

— Мы с ним уже давно разорвали все связи и договорились больше не видеться. Я ни за что не выйду за него замуж! Он прекрасно знал, как близка мне Вань-эр, знал, насколько она для меня важна, но, несмотря на это, решил отдать её своим людям, лишь бы досадить мне!

Нин Цинхуань была прекрасно осведомлена о помыслах Пятого принца. Сейчас он наверняка затаил на неё злобу, ведь именно она разрушила его мечты о том, что они должны быть вместе. То, что он ненавидит её, она могла понять — в конце концов, она и сама уже не питала к нему никаких тёплых чувств.

Однако Пятый принц знал, как дорога ей Вань-эр, и всё равно попытался заполучить её. Он не рассчитывал использовать девушку, чтобы шантажировать Резиденцию генерала — это было невозможно. Его поступок был продиктован лишь желанием вынудить их выставить Вань-эр за дверь, как ненужную вещь, и тем самым вывести их из себя.

— Это, право, верх мелочности.

Нин Юньлану крайне претило подобное поведение Пятого принца. Он считал это недостойным: мужчина должен вести борьбу с мужчиной, используя честные средства, а не отыгрываться на ни в чём не повинных девушках только из-за собственной злобы. Это вызывало лишь презрение.

— А что потом? Что стало с кузиной Вань-эр?

Нин Юньлан знал, что в их доме появилась эта бедная девушка с непростой судьбой, но подробности узнал уже от Нин Цинхуань.

— Четвертый принц пришел на помощь и забрал Вань-эр в свою резиденцию, сделав её своей наложницей.

— О, это кажется вполне неплохим...

Нин Юньлан не успел договорить, как Нин Цинхуань перебила его:

— Что тут неплохого? Всё совсем не так! Хотя это был лучший из возможных вариантов, и Четвертый принц не тронет её, я всё равно в ярости. Если бы Пятый принц не устроил этот балаган, Вань-эр сейчас была бы здесь, в резиденции, и ждала меня.

Нин Цинхуань снова приложила к бутылке, её лицо выражало крайнее недовольство.

— Пожалуй, это не стоит такой ярости. Поступок Пятого принца, конечно, возмутителен, но не нужно так терять контроль. Даже если Четвертый принц — не лучший муж, ты ведь сама сказала, что он не будет к ней прикасаться. Вернёшься, решишь проблему — и всё наладится, разве нет?

Нин Юньлан всё ещё не мог понять, почему сестра сегодня так вышла из себя. Тот взгляд, с которым она смотрела на мир — взгляд разъярённого демона, — пугал.

— Ты совсем ничего не понимаешь.

— Что же я не понимаю? Разве дело только в вашей сестринской привязанности? Не кажется ли тебе, что твоя забота о Вань-эр и желание контролировать её выходят за все рамки?

Нин Юньлан понизил голос. Это был не первый раз, когда Цинхуань теряла самообладание. Однажды, в опасном бою, вражеский клинок уже приставили к её горлу. Лишь благодаря ловкости и быстрой реакции она спаслась, но потеряла висевший на шее кулон. Тогда в неё словно вселился бес — она с яростью безумца изрубила врага. Позже, когда они зачищали поле боя, он нашёл её, одиноко рыскавшую в траве, и помог с поисками. Он спросил тогда, что такого особенного в этом кулоне в форме полумесяца, что она едва не пожертвовала жизнью. Цинхуань ответила, что это их общая с Вань-эр вещь, которую нельзя потерять. Тогда он уже начал догадываться, что привязанность Цинхуань к Вань-эр стала нездоровой.

— Ну и что с того? Она сама этого хотела, — Нин Цинхуань осторожно надела чистую одежду, произнеся это с безразличным видом.

— Рано или поздно ей придётся выйти замуж. Вы не можете быть неразлучны всю жизнь.

Нин Цинхуань встала и посмотрела прямо в глаза Нин Юньлану.

— Можем.

— Цинхуань... ты...

Скрытый смысл её слов был просто невероятен. Нин Юньлан тоже поднялся, глядя на сестру с изумлением.

— Я не собиралась говорить вам сейчас, время неподходящее, но рано или поздно вы всё равно узнаете. Поэтому скажу тебе первому. Брат, когда я вернусь, я женюсь на ней.

— Ты сошла с ума?

— Я в своём уме!

Глядя на выражение лица сестры, Нин Юньлан понял: она говорит серьёзно. Хотя после взросления они проводили не так много времени вместе, он знал — его сестра всегда была на редкость упрямой.

— Иначе зачем, по-твоему, я пришла сюда? Чтобы получить её, я пойду на всё.

Нин Цинхуань взяла кулон с шеи и прижала его к губам. Её взгляд был полон такой решимости, а жесты — такой нежности, что у Нин Юньлана по спине пробежал холодок.

— Брат, не вмешивайся. Я сама со всем разберусь. В конце концов, я не мужчина, мне не нужно продолжать род, так что это — твоя забота.

Она похлопала его по плечу здоровой рукой и улыбнулась — так легко и уверенно, что вся мрачность мгновенно улетучилась.

— Не беспокойся об этом, сосредоточься на войне. Надеюсь, когда придёт время, ты просто скажешь пару слов в мою поддержку. Возможно, мне даже не понадобится твоя помощь, я решу всё сама.

— А она... она согласилась?

— Конечно.

Нин Цинхуань улыбнулась так сладко, что Нин Юньлан не смог на неё смотреть.

— Раз это то, чего ты хочешь, действуй. Главное, чтобы ты была счастлива. Отец и мать не станут тебя наказывать.

Нин Юньлан приложил руку ко лбу, чувствуя, как начинает болеть голова.

— Угу.

— Хватит обо мне, расскажи о себе. Мы не знаем, когда вернёмся, а как только я вернусь, тебя точно заставят жениться.

— Знаю, знаю. Раны перевязаны, уходи уже!

При мысли об этом у него самого голова шла кругом. Он взмахнул рукой, выпроваживая сестру из шатра. Нин Цинхуань вышла, напевая под нос. Настроение заметно улучшилось: брат фактически поддержал её. Надеюсь, родители отнесутся так же, она не хочет ссориться с ними — они ведь так её любят, наверняка не станут принуждать.

Война затянулась на целых три года. Нин Цинхуань сражалась на передовой, а Цзюнь Цзышу в Резиденции четвертого принца строила планы и просчитывала каждый шаг. Жилось ей там неплохо: Четвертый принц заранее предупредил свою Ванфэй о её статусе, так что та знала,

что Цзюнь Цзышу — не соперница, которую можно просто выжить из дома. Ванфэй относилась к ней очень хорошо, часто заходила поболтать.

Цзюнь Цзышу с первой же беседы поняла, что у той на уме: Ванфэй просто боялась, что гостя может влюбиться в её мужа. Поэтому Цзышу деликатно намекнула, что у неё уже есть возлюбленный, и Ванфэй окончательно успокоилась.

За эти три года Наследный принц практически полностью дискредитировал себя. Его способности были посредственными, он не преуспел ни в одной сфере, имел скверный характер, был вспыльчив и, что самое главное, питал слабость к женской красоте. Под ударами Четвертого и Пятого принцев он совершил множество ошибок, вызвав гнев Императора. Тот, пребывая в добром здравии, уже подумывал о том, чтобы лишить сына статуса и передать престол другому наследнику, который ему больше по душе — Четвертому принцу.

Цзюнь Цзышу считала, что у Пятого принца мало шансов. В оригинальном сюжете Четвертый принц погиб из-за нелепой случайности, и только поэтому Пятый смог занять трон. Император не питал к нему симпатии: хотя все они были его кровью, сердце отца было пристрастным. Больше всех он любил Наследного принца, рождённого от Императрицы — его первой жены, которую он искренне ценил и память о которой хранил, оставляя место на троне пустым. Пятого же принца он не любил, так как тот был сыном Благородной наложницы Сянь, которую Император взял в жёны против воли, по настоянию своей матери ещё до восшествия на престол.

Люди — забавные существа: даже если перед ними красавица, но в душе к ней отвращение, они найдут, к чему придраться. Естественно, и сына нелюбимой женщины Император жаловал не больше. Его неприязнь к наложнице Сянь подогревалась ещё и её влиятельной, запутанной роднёй. Именно с этой силой и предстояло бороться Цзюнь Цзышу и Четвертому принцу.

В тот день Ванфэй снова зашла к Цзюнь Цзышу. Цзышу, хоть и умела искусно водить людей за нос, не любила пустой болтовни. К счастью, Ванфэй, заходя под предлогом поболтать, чаще всего просто сидела в саду, погружённая в свои мысли, или изредка что-то рассказывала, а Цзышу лишь молча слушала.

Быть Ванфэй казалось со стороны завидной долей, но на деле тягот хватало. Нужно было не только вести хозяйство, но и ежедневно видеть, как наложницы мужа крутятся перед ней в своих нарядах, и при этом сохранять невозмутимое лицо. Впрочем, больше всего её утомляли интриги этих женщин. Если бы они сидели тихо, она бы не жаловалась.

— Сестрёнка, опять вышиваешь кролика? — Ванфэй привычно опустилась на скамью, наблюдая за работой Цзюнь Цзышу.

— Угу.

— Не надоело каждый день одно и то же? — Ванфэй вздохнула.

Цзюнь Цзышу покачала головой, продолжая стежок за стежком.

— Почему ты всегда вышиваешь кроликов?

Вначале Ванфэй не верила, что эта хрупкая на вид женщина способна на что-то серьёзное, но когда Цзышу одним советом помогла ей справиться с назойливыми наложницами, она прониклась к ней глубоким уважением.

— Потому что она всегда просит меня вышивать кроликов. Наверное, очень их любит, — Цзюнь Цзышу мягко улыбнулась, её пальцы ловко управлялись с иглой.

— А тот человек, которого ты ждёшь... когда он вернётся?

— Скоро. Очень скоро. И тогда я исчезну из этого места.

— Ты уверена, что у мужа всё получится? — понизив голос, спросила Ванфэй с тревогой.

— Уверена. Тебе стоит заранее подготовиться. Времени на отдых станет ещё меньше, быть... гораздо труднее, чем быть Ванфэй.

Цзышу не произнесла титул, но Ванфэй всё поняла. Цзышу искренне симпатизировала этой женщине: несмотря на внешнюю строгость, внутри она была мягкой. Цзышу знала, что однажды эта женщина станет достойной Императрицей, но тогда всё вокруг уже будет совсем иным. Ванфэй, не зная, радоваться или грустить, молча смотрела в небо.

— Хозяйка, мы победили! Цель миссии скоро вернётся.

От внезапного голоса в голове Цзюнь Цзышу вздрогнула и уколола палец. Капелька крови выступила на коже. Она зажала палец губами и отложила вышивку. Наконец-то.

— Цветы успели завянуть трижды, но они возвращаются живыми. Думаю, миссия скоро будет завершена, хи-хи! — Сяо Хуасянь было очень довольна.

Сяо Хуасянь, у вас ведь нет такой функции?

— Какой функции?

Стереть мою память.

— Конечно, есть! Есть два режима: архивный — память изымается и сохраняется, можно вернуть в любой момент, и режим очистки — чувства притупляются.

Вот как. Цзюнь Цзышу вздохнула с облегчением. Она не хотела насильственного стирания.

— Но мало кто выбирает первый вариант, ведь это равносильно амнезии. Некоторые используют его, чтобы прийти в себя после тяжёлых событий, но почти никто не возвращается за своей памятью.

Я не выберу первый вариант.

— Хорошо, я поддержу любое ваше решение.

Цзюнь Цзышу считала, что человек живёт своими воспоминаниями. Есть люди, которых нельзя забывать, и те, кого стоит помнить вечно.

Весть о триумфальном возвращении армии быстро разлетелась по столице, вызывая ликование. Император сиял, народ праздновал.

— Слышали? Генерал Нин вернулся с победой!

— Такое событие! Конечно, слышали, это прекрасно!

— Говорят, и молодой генерал Нин вернётся.

— Правда? Ох, говорят, он ещё не женат, всё на границе пропадал.

— Меня больше интересует госпожа Нин. Говорят, она сражалась не хуже любого воина, настоящая героиня! Дети в семье Нин один к одному. Интересно, какой мужчина сможет покорить такую женщину?

— Уж точно не ты.

Возвращение брата и сестры Нин заставило многих в столице строить планы. Оба не были связаны узами брака, настоящие лакомые кусочки.

Вернувшись, семья Нин не успела даже толком поговорить с госпожой Нин — четвёрке пришлось спешно переодеваться и ехать во дворец. Император устроил грандиозный пир в их честь. После раздачи наград он перешёл к вопросам, которые интересовали всех.

— Юньлан уже взрослый, есть ли у тебя на примете невеста?

— Ваше Величество, я во всём полагаюсь на волю отца и матери. У самого пока нет таких мыслей, — Нин Юньлан слегка покраснел, изображая смущение.

— Понимаю. А что насчёт Цинхуань? В этот раз она показала себя невероятно, не уступив мужчинам! Есть ли у тебя избранник?

— Отвечаю Вашему Величеству: есть, — Нин Цинхуань встала и честно посмотрела на Императора.

Генерал Нин и его жена вздрогнули, лицо Нин Юньлана изменилось.

— О? И из какой семьи этот молодой человек? Расскажи, я стану вашим сватом! — Император был заинтригован.

— Это не молодой человек из какой-либо семьи.

— Хм? — Император приподнял бровь, удивлённый.

— Мне даже неловко говорить об этом, Ваше Величество. В ходе войны я видела многое, и некоторые вещи были настолько отвратительны, что теперь, видя определённые мужские детали, я испытываю нехорошие порывы.

— О? Какие же?

— Вижу мужское достоинство — и хочется выхватить меч и начисто его отсечь.

Нин Цинхуань была совершенно искренна, и все присутствующие мужчины в зале почувствовали, как холодок пробежал по спине, и невольно сжали ноги. Император тоже вздрогнул и закашлялся. В зале воцарилась мёртвая тишина, все взгляды были прикованы к Цинхуань.

— Прошу прощения за дерзость, Ваше Величество.

— Ничего, ничего... Так кто же твой избранник?

— Это женщина.

Зал ахнул. Нин Юньлан и представить не мог, что сестра решится на такое: без предупреждения родителей, прямо перед лицом Императора и всего двора заявить о своей любви к женщине. Вот это удар на опережение! Теперь, как бы родители ни злились, они не смогут заставить её выйти замуж. Юньлан посмотрел на сестру с восхищением: вот это смелость! Госпожа Нин едва не лишилась чувств, но генерал Нин сохранил спокойствие и ущипнул её, чтобы она пришла в себя.

— Это... это... — Император лишился дара речи.

Не спрашивать же, какая именно женщина — это было бы слишком неловко.

— Ваше Величество, — генерал Нин встал и поклонился.

Император кивнул, разрешая говорить.

— Я знал об этом, но не ожидал, что моя дочь будет столь упряма и объявит об этом при всех. Впрочем, так даже лучше — по крайней мере, в ближайшие дни никто не придёт в мою резиденцию свататься, не придётся тратить время зря.

Генерал Нин улыбался, и его слова заставили окружающих судорожно вдохнуть.

— Верно говорите, генерал. У детей своя судьба. Садитесь, пейте вино! — Император кивнул, ухватившись за этот предлог, чтобы сменить тему.

Все остальные поспешили поддакнуть. Нин Цинхуань радостно села на место и подмигнула отцу. Генерал Нин сердито глянул на неё и принялся успокаивать жену.

Цзюнь Цзышу сидела в кресле, наблюдая за трансляцией, и прижала руку к груди. Кузина сегодня была просто воплощением мужской силы.

По дороге домой госпожа Нин сидела в карете, не проронив ни слова. Атмосфера была тяжёлой. Вернувшись, она с мрачным видом закрыла дверь в свои покои и велела слугам удалиться. Когда все лишние ушли, она взорвалась:

— Что всё это значит?! — крик госпожи Нин заставил Цинхуань опуститься на колени. — Ты знала об этом заранее?!

— Ну что вы, просто ситуация была критическая... Да ладно вам, к чему такой гнев? Но, Цинхуань, ты должна объяснить отцу, что у тебя на уме. Ты с детства была своевольной, отец знает, что ты не станешь делать глупости.

<http://bllate.org/book/21707/2242209>